

РАССКАЗЫ

Что же мне делать?

Читать это ужасно!

Когда я слышу о герое, что он намеревается подумать: «...он наморщил лоб и строго сжал губы...» — я уже чувствую, как мое лицо деформируется в такую же задумчивую гримасу! Или: «...надменная усмешка играла в правом углу его рта...» — Боже мой, как я, наверное, при этом нелепо выгляжу; я-то не могу так вот надменно усмехаться, а уж тем более правым углом рта как таковым — это тоже дарование, в котором мне отказала судьба.

Так со многими! По утрам, в трамвае хорошо видны те разрушения, которые нам наносят писатели; как они вкладывают в нас свои мысли, свои самые гнусные жесты. Вчера молодой человек напротив поднял — он учится в политехническом и читал некоего, мне доселе неизвестного «Тенесси Уильямса» (так в моей юности звали в лучшем случае экзотических преступников, «Аляска-Джим» и «Эмил-Палисадник»!) — так вот он поднял голову и посмотрел на меня с такой нескрываемой кровожадностью, что я, трясясь, натянул шляпу глубже на лоб; и вышел на одну остановку раньше. (Чуть не опоздал на работу. Вероятно, он медленно резал меня снизу вверх на ломти; или засунул в мешок, и на мне вытанцовывали буйные психи в кованных башмаках!)

Ах, роман в газете, роман! Недавно где-то в тексте стоял ничемный оборот: «...он повернул голову, медленно, словно лев...» — на следующее утро половина пассажиров глядели, как парализованные; они моргали и сопели презрительно-искривленно. Даже с молоденькими девушками в этот день было не справиться; они все как будто позабыли платочки и устали на нас, мужчин, самым бесстыдным образом. Только потом мне рассказали, что у конкурентов проскочила фраза: «...она нагло усталилась...».

Я страдал от этого с детства! Во время практики в Хеншель и Ко я прочел о том, как один молодой человек завоевал любовь шефа своей откровенностью, да настолько, что тот взял его в совладельцы: на следующий день меня собирались выгнать!

Мою вторую подружку — такой фигуры сегодня нет ни у кого! — я потерял таким же образом. Она читала — да, да! — в решающие дни она читала знойного «Ардингелло» Хайнзе; тогда как мне сатана сунул в глупые руки «Среднее собрание речей Будды Гаутамы»: далее я пытался сократить свой рацион до предписанного рисового зернышка в день (или до более распространенной в наших местах горошины) и надеялся такой диетой достичь беспощинного преодоления пространства и времени в кратчайшие сроки. И голова была полна оборотов а-ля «...одиноко, как одиноко бродит носорог...», и я старался озирать ее блузку взглядом умерщвленной воли — я презираю себя, едва лишь вспоминаю эти дни!

При этом я до сих пор корплю над подобного рода проблемами. Я обязательно должен тайком контролировать книжки жены, просто чтобы знать, что она думает. Я это делаю регулярно, с тех пор как она держалась со мной в течение 8 дней так холодно и неприязненно, что я даже о разводе подумывал — пока не узнал, что в ее продолжении герой только что изменил героине, и происходят всевозможные гнев и ненависть. Я уже пытался (тайно, разумеется!) придать ей направление: подсовывая ей пышное чтиво; есть такие авторы,

которые так умеют описать, что даже седобородые прокуроры кажутся красивыми. (Но с этим тоже надо осторожно, чтобы не передозировать; я уже не тот юнец!). (Хозяину моей квартиры надо бы подсушить разок историю о благородном кредиторе в почтовый ящик).

Эти братья — писатели — делают с человеком в конце концов, что хотят; будь это якобы благодетельные эффекты регулярного потребления Санеллы; или, скажем, что заикаться можно только в их формулах, словосочетаниях, оборотах. Я однажды отложил поездку, только потому, что прочитал до этого гениально-отвратительное описание железнодорожной катастрофы. С другой стороны, я ездил в Емсмор — Боже, что за местность! Объясниться с местными можно только знаками; ноги никогда не сохнут; и дождь, который каждый день — и все это только потому, что какой-то писатель поместил там любовные сцены. Сцены! Воздух там якобы в принципе тек, как жидкое стекло; и девушки сами занимали такие положения, которые известны разве что из тысяча и одной ночи... Не желаю больше читать!!

Оставить себя собственным мыслям? Господи, спаси! Чаще всего у меня их нет вообще; а если даже и есть, то не лучшего качества. Я все пробовал; я стал научным; купил целое собрание работ о Марсе, явные авторитеты, от Шретера и Скиапарелли до Антониади и Граффа: когда затем мой дух бродил над ржавокрасной пустыней Туле 1 или 2 и заворачивал в переплетенные лабиринты скал — не пряталась ли там за очередным углом госпожа Хиллер, одинокая и лукавая? (Или, еще хуже, та испорченная помощница аптекаря на углу!). Исторические работы? Я углубился в эпоху Кромвелля; и тотчас удивил коллег своим диким и упрямым поведением; давал странные клятвы: «Клянусь Богом и Ковенантом!»; нашему продавцу я предложил окрестить сына «Обадей-bind-their-kings-in-chains-and-their-nobles-with-links-of-iron».

Надо выпускать сонные книги; вялые по стилю, с труднопережевываемыми долгими словами, которые сворачиваются в конце неясными кренделями слогов; сумасбродством согласных (в крайнем случае, темная гласная на «у»): книги против мыслей.

Но что же мне делать?!

Осторожные

Стать к окну: улицы мрачно тянулись туда и сюда. На вымороженный двор вступил нафартурченный человек и закричал «Пепел! Пепел!».

Я как раз закончил свою дневную работу — Боже, какая там работа? — я получаю пенсию по инвалидности и стараюсь себя как-то занять. Составляю огромную картотеку, от двух- до трехсот тысяч бумажек, которая должна вместить всех, по возможности, кто когда-либо жил в старом Герцогстве Верден (я сам из тех мест, из Ротенбурга; и мне этого — именно теперь, попав в Южную Германию — особенно хочется).

Итак, дневная норма была выполнена. И еще я полежал полчаса на софе: как я ненавижу это тощее, по-индейски красное приспособление! Тогда я его купил, чтобы придать двум моим помещениям фешенебельные очертания: наименьшее стало кухонькой; другое должно было имитировать что-то вроде студии. Как я жалел о том, что пожертвовал своей старой честной кроватью! Но, уже поздно.

Велосипедист в ушанке, красной, прошел, пригнувшись; две девочки в черных водолазных костюмах, руки во всех брючных карманах, прошагали в сторону школы. Потом антарктический поток битума опять обледенел напусто.

Я начал привычным размышлением: что было бы для тебя сейчас самым неприятным?! И сразу же ответил: одеться и пойти гулять. — Так я и сделал; намотать толстый шарф; натянуть варежки: я осторожен.

Раньше меня неодолимо притягивали маленькие вокзалы. Я сидел там перед пивом в пыльном свете желтых залов ожидания; сильный золотой и красный упаковок Салема;

освещенные окна вагонов жемчужинами в ночи; толстые и тощие пассажиры — хорошее время, время юности! Теперь это (на вокзалах так сквозит; я осторожен!) универмаги. Там тоже все спектрально аналитически радужно; головы катятся мимо; руки рвутся; заросли одежд; леса пальто; руки хватают светлые ткани; глаза запинаются; рты спотыкаются; мячи приседают по-рабски-разноцветно. Обычно я выискиваю Ее.

Она ступала, маленькая и тонкая, очень осторожно, сквозь чрезвычайно дешевые сегодня кокосовые маты; мимо ковровых турников; (если кто-то задевал ее, я заметил, она хлопала себя по правому карману пальто. Ну конечно: она купила очень маленький бюстгальтер и взяла деньги из этого кармана: значит, там внутри было портмоне; и она щупала каждые 10 секунд: все еще там? Очень хорошо!)

Итак, незаметно за ней! Сквозь кожаное; дюны какао; обрывки глаз и зияющие зубы, протезы слов; уши костенеют розово; а, эскалатор! (я взял дешевое новое издание вечного Макс-и-морица и наблюдал дальше (Кто бы при этом наблюдал за мной, а! И кто бы за ним? Мы, стража, сторожим стражу, которая сторожит дочь короля.)).

Эскалатор, празднично убранный статуями, скользил непрерывно вверх (наискосок за ним ужи ремней, горы носков). Она незаметно выжидала, колебалась... вот — сейчас 10 ступенек перед ней были пусты — и она твердо ступила на желобчатую ступеньку. (Так она думает, что перегруженный эскалатор может упасть? И ждет всегда, пока эта штука поползет почти совсем без груза: очень хорошо! Объективное, осторожное создание).

Я следил за ней издали и на втором этаже, где покоится мебель, поселены кресла. Практикантки в черных халатах таскали по этажу картонные скалы. Здесь мы с трудом ускользнули от стервятников, ленивых продавцов; значит, опять вниз!

И вон. Снаружи воздух тек, как черное стекло; неподвижно и так холодно, что рука непроизвольно поднимала воротник пальто повыше. Она ждала, умно, не двигаясь, на тротуаре — в который раз слева подъехал фыркающий жестяной горилл ДКВ — пропустить — еще десять метров подождать (и я закивал, довольный: так и нужно поступать в наши дни!).

Она жила почти там же, где и я, маленькая и тонкая; ее не было много (???) (ну, а кого в наше время много?). Ее авоська тянулась дисциплинированно за ней, непричастно, как это бывает с вещами. Я решил выпить сегодня вечером вдрызг (одному в доме; я осторожен!) Дюжарденом.

Действительно: она все еще шла передо мной. Гервинус-, Инзельштрассе. На отделанном корками снега тротуаре к ней подчалил мужичок; в черном пальто, широкий, в плоском берете: «Хде-е зеся номмир вацатьдевить?». Она попыталась увернуться, зря. Он просительно выругался, растопырив тело: «О! Де?!». И, разочарованно: «Ты не префессоррр: я префессоррр!» И потек на следующего меня. Я встал высоко и широко между ними: моей маленькой преследуемой и наследником Распутина, хотя меня можно убить пальцем! «Назад!» — приказал я. «Тут сорок два: Меня понимать?» — его скошенная белая голова меня осмотрела; он отступил. При отступлении слышался его ропот: «Крестьяне! Одни крестьяне! Жрут лук и картошку. Пьют бензин! Ох! Бэнзиин!»

Я обернулся к неприметному созданию за мной. Я сказал: «Не волнуйтесь. Вероятно, он был пьян — иностранец». Она прошептала что-то в ночь; ее прическа кивнула; и исчезла вдоль Россдорферштрассе, которая на Ашаффенбург. Я прислонился к стене аптеки и смотрел: итак, она исчезла.

У себя: осмотрел неприязненно софу: для двоих ее было бы недостаточно! Задержал автоматически занавески; посреди спальных блоков: всегда быть осторожным!